

П. И. Бартенов

Осмнадцатый век

Исторический сборник. Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. И. Бартев**
Оснадцатый век: Исторический сборник. Книга 2 / П. И. Бартев – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 710 с.

ISBN 978-5-518-05472-1

ISBN 978-5-518-05472-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Первая книга нашего сборника содержитъ въ себѣ, почти вся, статьи и бумаги, касающіяся Императрицы Екатерины и ея царствованія. Нынѣ изданная вторая книга посвящена, за немногими исключеніями, царствованіямъ Петра II-го, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны.

Обѣ книги могутъ быть переплетаемы вмѣстѣ, для чего, въ концѣ второй, напечатанъ общій подробный указатель не только личныхъ, но и всѣхъ собственныхъ именъ, которыя въ нихъ упоминаются.

*

Для третьей книги „Осмнадцатаго Вѣка“ приготовлены:

„Антидотъ“, малоизвѣстное сочиненіе Императрицы Екатерины II-й.

Петровскія и Екатерининскія бумаги изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора.

Письма въ Петербургъ съ театра Семилѣтней войны.

Исторія Семилѣтней войны, сочиненіе И. И. Шувалова.

Развѣнчанный король Станиславъ Понятовскій въ Гроднѣ.

Князь Андрей Кириловичъ Разумовскій и пр. и пр.

.....

ПИСЬМА О РОССИИ ВЪ ИСПАНИЮ.

ДУКА ДЕ-ЛИРІЯ,

бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ въ Россіи, при императорѣ Петрѣ II и въ началѣ царствованія Анны Іоанновны (*).

Исследователи Русской старины XVIII вѣка давно одѣлили важное значеніе Записокъ Дюка Лирійскаго и Бервикскаго (ум. 1783) изданныхъ въ 1845 г. Д. И. Языковымъ (Спб. въ Гутенб. тип. 8°. Ш и 217 стр.) въ русскомъ переводѣ, который былъ сдѣланъ съ французскаго текста, напечатаннаго въ Парижѣ въ 8-ю долю листа въ 1788 г. подъ заглавіемъ: *Mémoires du duc de Liria et de Berwick, écrits par lui-même*. Сіе послѣднее указаніе мы находимъ въ предисловіи Д. И. Языкова къ русскому переводу Записокъ Дюка Лирійскаго; самой же французской книги не удалось намъ никогда видѣть. Русскій переводчикъ опредѣлительно говоритъ, что по разнымъ уваженіямъ онъ вынулъ нѣкоторые мѣста французскаго текста. Уже вѣсколько лѣтъ какъ мы тщетно отыскиваемъ эту французскую книгу. Неудача наша въ отысканіи оной нынѣ щедро вознаграждена нижеслѣдующими бумагами, переведенными съ испанскихъ подлинниковъ. П. Б.

Первымъ фактомъ въ исторіи прямыхъ сношеній Россіи съ Испаніей нужно считать бывшее при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ извѣстное посольство стольника Потемкина. Впрочемъ, Потемкинъ былъ посланъ собственно во Францію, а

(*) Считаемъ своимъ долгомъ заявить предъ Русскими читателями о той въ высшей степени любезной внимательности, съ которою настоящій представитель дома де-Лиріевъ, дукъ де-Альба и де-Лирія сообщилъ въ наше распоряженіе бумаги своего предка съ правомъ просмотрѣть ихъ и сдѣлать изъ нихъ всѣ извлеченія, какия могли показаться намъ нужными: на все время нашихъ занятій онъ предоставилъ намъ особую комнату въ своемъ частномъ архивѣ со всеми удобствами для работы. Здѣсь мы нашли Дневники, которые велелъ при дукѣ де-Лирія съ самаго дня назначенія его посланникомъ въ Россію и въ которые вносились всѣ его депеши и письма къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ маркесу де-ля-Пась, архіепископу Амидь-духовнику королевы и другимъ лицамъ; нашли въ подлинникѣ за собственноручною подписью короля Филиппа V секретную инструкцію, данную ему при отправленіи въ Россію, Варшавскій Дневникъ, въ которомъ день за днемъ записывалось его путешествіе при возвращеніи изъ Москвы и во все время его пребыванія въ Варшавѣ, и другія бумаги. Результатъ чтенія этихъ документовъ мы представляемъ теперь Русскимъ читателямъ. У насъ уже есть переводъ съ французскаго *Записокъ Дюка Лирійскаго*, сдѣланный г. Языковымъ въ 1845 году. Но при этомъ свой трудъ мы смѣемъ считать все-таки не излишнимъ. Переводъ г. Языкова не полонъ. Да еслибы XVIII-й вѣкъ, кн. 2-я.

въ Испанію онъ долженъ былъ проѣхать только кстати; и намъ извѣстно болѣе о его пребываніи во Франціи, чѣмъ въ Испаніи. Объ одномъ особенно мы знаемъ во время пребывания его въ послѣдней странѣ—это о его крайней любви, которую онъ показалъ къ испанскимъ червонцамъ: испанское правительство во все время пребывания его въ испанской столицѣ выдавало ему, на содержаніе его лично и его свиты значительную сумму своимъ прекраснымъ золотомъ, и онъ, получая его, дѣлалъ все возможное, чтобы только не тратить его сообразно съ его назначеніемъ. На наше тогдашнее посольство Испанцы смотрѣли точно также, какъ мы смотрѣли въ недавнее время на посольство Японцевъ: иль интересовало не политическое значеніе, котораго они мало видѣли въ посольствѣ Потемкина, но скорѣе громадный ростъ, длинная и окладистая борода и азіатскій костюмъ этого выходца изъ невѣдомой страны. Какъ памятникъ именно такого рода вниманія Испанцевъ къ посольству Потемкина, въ Мадридскомъ Королевскомъ Музеѣ доселѣ можно видѣть превосходно сдѣланный въ то время его портретъ во весь ростъ (*). Онъ одѣтъ въ длинный красный кафтанъ, опоясанный золотымъ поясомъ; на плечахъ у него накинута, кажется, малиноваго цвѣта, шитая по краямъ золотомъ и опушенная соболемъ мантия, съ прорѣзами на мѣстѣ рукавовъ, застегнутая только сверху у шеи; лѣвую свою руку онъ прoderнулъ въ прорѣзъ мантии, засунувъ ее большой

онъ былъ и полонъ, французскія Записки дюка де-Лирія, писанныя имъ послѣ, представляютъ обстоятельства непременно въ слаженномъ видѣ, тогда какъ въ своихъ депешахъ и письмахъ онъ записываетъ ихъ по свѣжимъ впечатлѣніямъ, но только что полученнымъ извѣстіямъ,—это замѣтно въ его сужденіяхъ о лицахъ, о которыхъ онъ иначе судить въ началѣ, какъ только онъ пріѣхалъ въ Россію (когда Испанія была въ союзѣ съ Австріей, а чрезъ Австрію и съ Россіей) и иначе, когда дѣло шло къ разрыву у Испаніи съ Австріей и когда онъ усиливался отклонить Россію отъ союза съ Австріей. Кроме того о многихъ обстоятельствахъ, описанныхъ въ его депешахъ, напр. о его переговорахъ по торговому трактату, о дѣлѣ графа Матвѣева, графа Милезино, влюбленнаго въ невесту Петра II, князю Долгорукому, и другихъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторыя могли показаться дюку де-Лирія компрометирующими его собственную личность, въ его французскихъ Запискахъ нѣтъ и слѣда, а между тѣмъ они могутъ быть очень интересны для характеристики тогдашняго положенія дѣлъ при нашемъ Дворѣ, особенно если принять во вниманіе то, что дюку де-Лирія нельзя отказать ни въ знаніи нашихъ придворныхъ интригъ, ни въ большой провѣдательности. Всѣ депеши и письма дюка де-Лирія писаны по испански. Обычая писать депеши по французски испанскіе дипломатическіе агенты не приняли доселѣ.

Священникъ К. Кустодіевъ. Мадридъ. 11 (23) февраля 1868.

* Въ Лондонѣ, куда также ѣздилъ Потемкинъ, былъ снятъ съ него портретъ, такой же какъ здѣсь описывается. См. Русскій Архивъ 1867, стр. 387. II. Ё.

палецъ за поясъ и откинувъ нѣсколько самую полу. Онъ стоитъ подбоченившись; правою рукою, выsunутою прямо изъ-подъ мантии, онъ отмахиваетъ правую ея полу и опирается на длинный бастонъ; на головѣ его шитая золотомъ конической формы красная шапка съ собольей опушкой; изъ подъ кафтана виднѣются, кажется, бархатные сапожки; окладистая, русая, нѣсколько съ просѣдью, его борода, не смотря на то, что далеко раздается въ стороны, мало скрадываетъ его широчайшія плечи, напротивъ, кажется, еще больше выказываетъ ихъ. Выраженіе его лица не говоритъ ни о его развитости, ни высокомъ сознаніи своего достоинства; онъ какъ бы запуганъ, смущенъ, хотя всей своей позой, особенно видимымъ усиленіемъ выразить свою энергію въ управленіи своимъ бастономъ, онъ напоминаетъ командующаго умнаго сельскаго старосту.

Впрочемъ, только съ Петра Великаго начались всѣ наши настоящія международныя отношенія. Онъ же намѣтилъ черты, которыми должны опредѣляться и наши отношенія къ Испаніи, — которыя и до сего времени не совсѣмъ установились. По мысли Петра, наши отношенія къ Испаніи должны быть больше торговыя, чѣмъ дипломатическія, и онъ уже замышлялъ заключить съ Испаніей торговый трактатъ, котораго, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ доселѣ. Кажется въ 1717 году, онъ послалъ въ Кадиксъ, въ качествѣ консула, коммерціи совѣтника князя Щербатова. Только позже, въ 1723 году, когда онъ уже ясно видѣлъ, что Россія можетъ играть не послѣднюю роль въ политическихъ комбинаціяхъ Европы, онъ послалъ въ Мадридъ князя Сергія Голицына съ именемъ легаціонс-рата. По смерти Петра Великаго, въ 1726 году, уволившійся по своей просьбѣ князь Голицынъ замѣщенъ былъ въ Мадридѣ княземъ Щербатовымъ, до того остававшимся въ Кадиксѣ. Впрочемъ князю Щербатову не дали ни варварскаго титула легаціонс-рата, ни просто посланника, а онъ былъ перемѣщенъ сюда съ тѣмъ же названіемъ коммерціи совѣтника. Какъ посланнику безъ всякаго имени, дипломатическіе агенты другихъ государствъ, бывшіе уже въ Мадридѣ, не хотѣли отдать ему, по пріѣздѣ его въ Мадридъ, перваго визита, какъ того требовалъ тогдашній дипломатическій этикетъ, и онъ горько жаловался на это императрицѣ Екатеринѣ I, не соглашаясь ни въ какомъ случаѣ унижать себя и свою государыню отданіемъ имъ перваго визита съ своей стороны. Впрочемъ, онъ былъ утѣшенъ, когда ему отдали первые визиты бывшіе въ Мадридѣ представители мелкихъ государствъ Германіи, обращавшіе вниманіе больше на возрастающую важность Россіи, которой представителемъ былъ князь Щербатовъ, чѣмъ

на недостававшій ему особенный титулъ (1). Мы не знаемъ только, какъ онъ потомъ поладилъ съ представителями въ Мадридѣ отъ большихъ государствъ. Но недостатокъ ихъ вниманію Испанское правительство восполняло важностью, которую придавало оно теперешнему представителю Россіи, вида въ тѣснѣйшемъ сближеніи съ нею средство добиться своихъ задуманныхъ плановъ: при Испанскомъ Дворѣ Щерба-това приняли со всѣми церемоніями, какъ чрезвычайнаго посланника великой державы.

На Западѣ это было время самаго быстрого, самаго непредвидѣннаго измѣненія политическихъ комбинацій: кто нынѣ былъ другомъ, тотъ завтра легко дѣлался врагомъ, и на оборотъ. Мы нынѣ жалуемся на нарушение трактатовъ, но дѣло это кажется не вчерашняго происхожденія: въ первой половинѣ прошлаго столѣтія трактаты, какъ будто, и заключались для того, чтобы не соблюдать ихъ и обмануть своего пріятели.

Альберони, первый министр Испанскаго короля Филиппа V, послѣ несчастныхъ и разорительныхъ, возбужденныхъ имъ, войнъ въ Италіи, съ Англіей и даже Франціей, гдѣ царствовалъ внукъ Филиппа V, наконецъ въ 1720 году былъ выгнанъ изъ Испаніи, какъ виновникъ всѣхъ ся несчастій и какъ заводчикъ ея враждебныхъ отношеній къ другимъ государствамъ. Въ 1721 году Испанія заключила миръ и союзъ съ Франціей, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ былъ заключенъ мирный и союзный трактатъ между Испаніей, Франціей и Велико-Британіей. Какъ друзья, послѣднія двѣ державы предложили Испаніи свое посредство для улаженія несогласій между нею и Австріей, существовавшихъ еще со времени войны за наслѣдство Испанскаго престола. Для этого въ 1722 году былъ составленъ конгрессъ, извѣстный подъ именемъ Камбрайскаго: переговоры конгресса тянулись больше двухъ лѣтъ. Испанскій король требовалъ, чтобы Австрійскій императоръ отказался отъ титуловъ Испаніи, отъ великаго магистерства ордена Золотаго Руна, чтобы обезпечилъ за Испанскимъ инфантомъ Донъ Карлосомъ владѣнье Неаполемъ и Сициліей; императоръ, напротивъ, хотѣлъ сохранить Испанскіе титулы и требовалъ отъ Испанскаго короля, чтобы онъ отказался отъ Австрійскихъ титуловъ и отъ великаго магистерства ордена Золотаго Руна, чтобы поддерживалъ въ Италіи права герцога Пармы и другихъ принцевъ. Однимъ словомъ, ни та, ни

(1) Свидѣнія о князѣ Сергѣѣ Голицынѣ и князѣ Щербаковѣ, какъ посланникѣ въ Мадридѣ, мы имѣемъ изъ весьма немногихъ оставшихся отъ того времени бумагъ въ архивѣ здѣшняго Русскаго посольства.

другая сторона не хотѣли уступить въ своихъ требованіяхъ; казалось, конгрессъ долженъ былъ кончиться открытою враждою между Австріей и Испаніей. Но вышло именно на оборотъ. Съ 1714 года Филиппъ V состоялъ въ бракѣ съ Итальянкою Елисаветою Фарнезе, выбранной имъ по указанію кардинала Альберони. По изгнаніи послѣдняго, Елисавета явилась продолжательницею его системы: образованная, любившая исторію и политику, съ характеромъ мужины, въ высшей степени честолюбивая, она управляла своимъ меланхолическимъ мужемъ. Тогда какъ король все еще надѣялся уладить дѣло съ императоромъ на конгрессѣ, королева была въ высшей степени недовольна медленностію его переговоровъ; захотѣвъ во что бы то ни стало добыть владѣній въ Италіи для своего сына, она думала, что лучше всего добьется этого частными переговорами съ Вѣнскимъ дворомъ. Въ октябрѣ 1724 года она тайно послала барона Рипперду въ Вѣну попытаться, нельзя ли заключить съ императоромъ отдѣльнаго мира. Непредвидѣнный случай ей помогъ въ этомъ какъ нельзя лучше. Уже три года Испанская инфанта, дочь Филиппа V, была обручена съ Лудовикомъ XV, и воспитывалась во Франціи, какъ будущая королева: дѣло это было устроено во время регенства герцога Орлеанскаго. Но онъ вдругъ умираетъ; его мѣсто занялъ герцогъ Бурбонскій, и нареченную невѣсту короля отсылаютъ къ ея отцу въ апрѣлѣ 1725 года. Это заставило и самаго Филиппа V сдѣлать крутой поворотъ: онъ тотчасъ же отозвалъ своихъ уполномоченныхъ съ Камбрайскаго конгресса и своего посла изъ Парижа, въ тоже время всѣмъ своимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ приказалъ прекратить сношенія съ представителями Франціи, а барону Риппердѣ (2) посрѣдствовать заключеніемъ мир-

(2) Любопытенъ этотъ человѣкъ, котораго Испанская королева выбрала для того, чтобы обмануть державы, бывшія въ союзѣ съ ея мужемъ. Онъ былъ творцемъ трактата, имѣвшаго вліяніе и на Россію. Будучи голландскимъ посланникомъ при Испанскомъ Дворѣ въ 1715, онъ успѣлъ поправиться Филиппу V, отрекся отъ протестантизма, принявъ католицизмъ и перешелъ на его службу. По заключеніи Вѣнскаго трактата, Филиппъ V сдѣлалъ его своимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, но въ слѣдующемъ же 1726 году онъ былъ посаженъ въ Сеговійскую крѣпость, откуда бѣжалъ въ 1728 году чрезъ Португалію въ Англію и Голландію. Принявши опять протестантизмъ, онъ, по совѣту бывшаго въ Голландіи посланника Марокискаго императора, отправился въ Африку, принявъ здѣсь исламизмъ и поступилъ на службу къ Мароккискому правительству, командовалъ частію Мароккиской арміи противъ Испанцевъ и сначала не безъ успѣха, но, разбитый Испанцами при Сеутѣ, впалъ въ немощь у преемника Магомета и умеръ въ Тетуанѣ 1737 года, составляя проектъ учрежденія новой религіи. Припомнимъ, что въ это же время и мы имѣли подобнаго, хотя и болѣе благоразумнаго, дипломата—барона Остермана.

наго договора съ императоромъ. Изъ этого родился такъ называемый Вѣнскій трактатъ 1725 года. Въ то же время на сѣверѣ между Франціей, Англіей и Пруссіей заключенъ былъ другой трактатъ, такъ называемый Ганноверскій,—и Европа вдругъ раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря. Испанія приобрѣтала немногое въ этомъ Вѣнскомъ трактатѣ. Испанскій король не могъ даже заставить отказаться императора отъ магистерства ордена Золотого Руна, вопросъ о которомъ между Италіей и Австріей остается нерѣшеннымъ до сего времени; но, что всего важнѣе, Австрійскій Дворъ приобрѣталь признаніе со стороны Испаніи прагматической санкціи, по которой преемницу императора Карла VI должна была сдѣлаться дочь его Марія-Тереза. Особенную силу Вѣнскому трактату придадо присоединеніе къ нему въ 1726 году Русской императрицы. Съ этимъ вмѣстѣ расширялись виды Испанскаго правительства, и увеличивались опасности, которыя могли выдти изъ Вѣнскаго трактата для державъ Ганноверскаго союза. Австрійское правительство подавало Испаніи надежду выдать въ замужество будущую свою императрицу Марію-Терезу за Испанскаго инфанта Донъ Карлоса; съ этимъ вмѣстѣ честолюбивая Елисавета Фарнезе возбуждала въ своемъ мужѣ притязанія на Французскую корону и хлѣбляла мечту видѣть нѣкогда Испанію, Францію и Австрію подъ однимъ скипетромъ. Но для этого она прежде всего должна была еще сослужить службу Богу и своему нерѣшительному мужу - государю: послѣднюю она видѣла въ отнятій Гибралтара у Англичанъ, первую въ возведеніи на Англійскій престолъ претендента католика Іакова Стюарта. О Россіи въ Испаніи были тогда такого высокаго понятія, что предполагали, будто она можетъ помѣриться съ Англіей даже своими морскими силами; здѣсь надѣялись (*) тогдашнія недовѣрчивыя отношенія между Россіей и Англіей обратить въ настоящую вражду, такъ чтобы Русскій флотъ и высадка Русскаго войска въ Англію могли разомъ пособить Испаніи, доставить Англійскій престолъ Іакову, и отнять у Англичанъ Гибралтаръ. Все это отзвывалось женской мечтательностію; тѣмъ не менѣе всему этому придавали въ Испаніи значеніе. Петръ Великій обнаружилъ въ Россіи такія необычайныя силы, что на Западѣ думали, что она можетъ все, стоить только

(*) Геній Петра Великаго и гроза его имени оправдывали такую надежду. Этимъ же объясняется прошеніе Шотландцевъ, обращенное въ 1745 году къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и напечатанное въ Рускомъ Архивѣ 1865, изд. 2-е. стр. 347—352. Извѣстно также, что не задолго передъ тѣмъ Альберони и Шведскій министръ Герцъ на могущество Россіи основывали цѣлую систему политическихъ видоизмѣненій въ Европѣ. П. Б.

на что-нибудь ее подвинуть. Дукъ де-Лирія не называется иначе Петра I, какъ Великимъ. Съ этими мечтами и надеждами Испанія и отправила въ Россію своего первого посланника.

Самый выборъ онаго указываетъ на тогдашнія тенденціи Испаніи: дукъ де-Лирія и Киксена былъ сынъ извѣстнаго маршала Бервика, побочнаго сына короля Іакова II, стало быть родной племянникъ тогдашняго претендента на Англійскій престолъ, титулованнаго короля Іакова III. Маршалъ Бервикъ (*), служившій Французскому королю во время войны за наслѣдство Испанскаго престола, рѣшительною побѣдою надъ Австрійцами въ 1707 году при Альмаксѣ упрочилъ за Бурбонами Испанскую корону. Филиппъ V далъ ему за это титулъ дукъ де-Лирія. Не желая самъ жить въ Испаніи, онъ оставилъ здѣсь сына своего Якова, которому и передалъ свой титулъ дукъ де-Лирія. Поселившись въ Испаніи въ молодости, дукъ де-Лирія успѣлъ свыкнуться съ нею, усвоить ея нравы, могъ считать ее своимъ отечествомъ, а ея языкъ своимъ языкомъ; но чуждая кровь въ немъ брала свое. Мечты королевы пришлись ему какъ нельзя больше по сердцу, потому что сходились съ его собственными мечтами. Ни слабое здоровье, на которое онъ жаловался, ни суровый климатъ и варварскіе нравы Россіи, которыхъ онъ страшился, не помѣшали ему отправиться Испанскимъ посланникомъ къ Русскому Двору.

Таковы предшествующія обстоятельства и таково происхождение посольства дукъ де-Лирія. Время, впрочемъ, скоро показало неосуществимость прямыхъ цѣлей его посольства. Но ихъ именно нужно имѣть въ виду, чтобы лучше слѣдить и оцѣнить постепенныя измѣненія въ его дипломатической дѣятельности относительно Россіи, каковыми измѣненіями часто опредѣлялись и его сужденія объ имѣвшихъ какое-нибудь значеніе при Русскомъ Дворѣ личностяхъ и самыхъ событіяхъ.

Теперь мы приступимъ къ передачѣ самыхъ документовъ, касающихся посольства дукъ де-Лирія въ Россію, раздѣливъ ихъ на годъ.

Годъ 1727.

22 января, въ загородномъ дворцѣ Пардо, Филиппъ V подписалъ кредитивныя грамоты къ Русской императрицѣ и секретную инструкцію своему посланнику. Въ грамотахъ Русская императрица называется, впрочемъ, царицей; им-

(*) Этотъ маршалъ Бервикъ оставилъ тоже Записки; но они не имѣютъ никакого отношенія къ Россіи. *И. Б.*

ператрицей она называется въ перечисленіи различныхъ титуловъ, только какъ *императрица Шеріи и Персидскихъ областей*. Секретная инструкція очень обширна. Въ ней король, приказывая своему посланнику собрать на пути свѣдѣнія о церемоніяхъ, съ которыми принимаются при Русскомъ Дворѣ иностранные посланники и особенно посланникъ Австрійскаго императора (съ которымъ онъ долженъ считать себя равнымъ, чтобы требовать и себѣ такого же приѣма) говорить ему: „Первое вниманіе ваше при исполненіи вашего служенія должно быть обращено на ваше поведеніе. Ведите себя во всемъ съ такимъ вниманіемъ и скромностію, чтобы вы лично и ваши домашніе были образцомъ для всякаго; пусть все служить къ вашей похвалѣ, да не будетъ въ вашемъ поведеніи ни малѣйшаго повода къ вашему осужденію. Вы знаете, что такая осторожность уже сама по себѣ весьма нужна для вашей службы и для исполненія возложенныхъ на васъ обязанностей; но она тѣмъ болѣе важна при дворахъ, которые не исповѣдуютъ нашей святой религіи и гдѣ поступки, дѣла и слова католиковъ служатъ предметомъ вниманія и сужденія. Позаботьтесь жить со всѣми вашими домашними безъ малѣйшаго повода для соблазна и въ великомъ страхѣ Божіемъ, — что послужитъ главнѣйшимъ шагомъ къ успѣху дѣла“.

„Хотя Московія, по своему разстоянію отъ моихъ владѣній, по своимъ дѣламъ и интересамъ, мало можетъ имѣть общаго съ моею монархіей и хотя ея силы, впрочемъ значительныя, не могутъ много вліять на наши силы; однако же не мѣшаетъ поддерживать съ нею дружбу и быть съ нею въ добрыхъ отношеніяхъ, особенно при настоящемъ положеніи дѣлъ, при которомъ, еслибы она (какъ того добивались) пристала къ государствамъ, оставшимся недовольными трактатомъ мира, заключеннымъ въ Вѣнѣ 30 апрѣля 1725 года, то дала бы громаднѣйшій перевѣсъ ихъ союзу и ихъ намѣреніямъ во вредъ интересамъ моимъ и моихъ союзниковъ, приступившихъ къ сказанному трактату. По этому было дѣломъ великой важности то, что между государями, приставшими къ сказанному Вѣнскому трактату, между мною и императоромъ, была и царица Московіи, съ которой относящійся сюда трактатъ былъ заключенъ въ Вѣнѣ